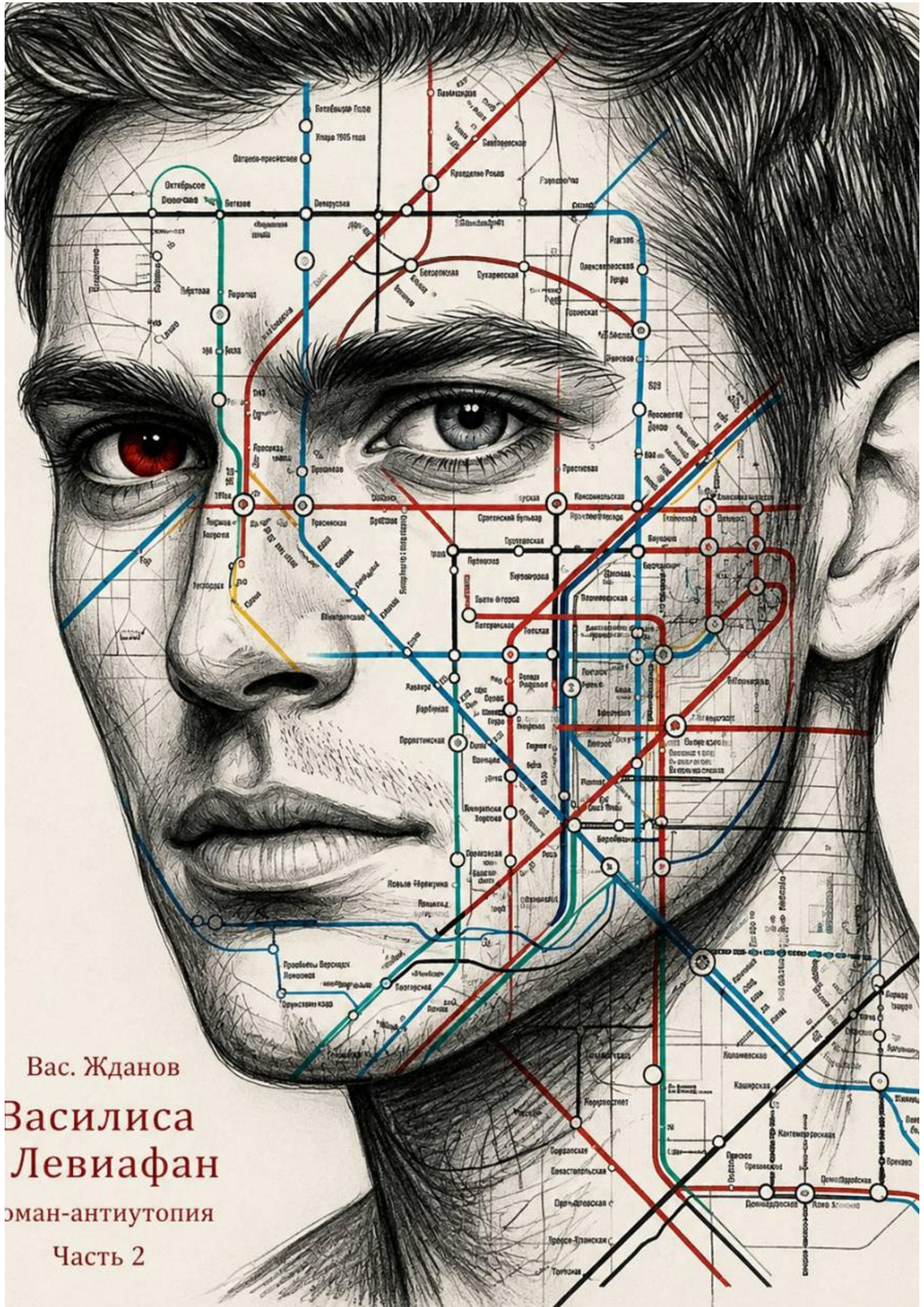

Вас. Жданов

Василиса Левиафан

роман-антиутопия

Часть 2

Василий Жданов

**Василиса и Левиафан. Роман-
антиутопия. Часть вторая**

«Автор»

2026

Жданов В. Ю.

Василиса и Левиафан. Роман-антиутопия. Часть вторая /
В. Ю. Жданов — «Автор», 2026

Продолжение романа-антиутопии. После побега из Москвы Василиса, Жюль и Скол отправляются в затопленный Петербург — город, окутанный туманом, где власть Левиафана ощущается сильнее, чем где-либо. Путешествие по заброшенным каналам и подземному метро приводит героев к новым союзникам и опасным открытиям. Василиса находит послание от брата Матвея и узнает, что в ее сознании скрыт нейромодуль, способный стать ключом к борьбе с Системой. Но чтобы активировать его, ей предстоит пройти через смертельно опасные иллюзии, встретиться с загадочной Матерью роя и впервые заглянуть внутрь цифрового разума Левиафана. Пока грань между воспоминаниями, симуляцией и реальностью становится все тоньше, сама Система начинает видеть Василису. Теперь охота открыта, а путь к сердцу Левиафана лежит через мертвый Петербург, где каждый шаг может оказаться последним.

© Жданов В. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Черная вода	5
ГЛАВА 2. Северный ветер	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Василиса и Левиафан. Роман-антиутопия. Часть вторая

ГЛАВА 1. Черная вода

Створка запасного люка бесшумно закрылась за спиной, отрезая прошлое. Василиса шагнула в пепельную мглу ночной Москвы. Воздух обжег легкие — ледяной, с привкусом старой меди, гниющей органики и едкой химии, от которой на языке оседала горечь. Каждый выдох превращался в густое белое облако и тут же таял в темноте. Сквозь рваную пелену смога еле-еле пробивались звезды.

Она дернула лямки рюкзака, затягивая их так, что грубая ткань впиалась в ключицы. Внутри рюкзака только самое необходимое: фляга, сухари, перепрошитый терминал и Кефир. Плюшевый медведь, последнее напоминание исчезнувшего дома, мягко упирался ей между лопаток.

Василиса подняла взгляд на север. Там, за мертвым горизонтом, лежала безумная и невозможная цель. Но в то же время единственная, ради которой стоило делать следующий шаг.

Тень от остова сгоревшего грузовика вдруг отделилась и шагнула ей навстречу. Василиса вздрогнула, пальцы рефлекторно скользнули к поясу, где висел заточенный кусок арматуры.

— Да не дергайся ты. Это я, — негромко произнес знакомый голос.

В тусклом свете проступил силуэт. Поднятый воротник, тяжелый рюкзак, уставшее, но спокойное лицо. Жюль.

Они молчали несколько секунд. Василиса не убирала руку с оружия, Жюль не делал попыток подойти ближе. В этом молчании читалась вся история их недавнего расставания на «Соколе».

— Ветер холодный дует с севера, — наконец сказал Жюль, глядя поверх ее головы куда-то в даль. — Туман к реке сгоняет. — Не беспокойся, я найду дорогу, — Василиса упрямо вздернула подбородок. — Дроны могут легко определить твоё тепло на открытом пространстве.

Он поправил лямку своего рюкзака. Василиса заметила, что на его куртке больше нет привычной курьерской нашивки. — Я никого не прошу мне помогать, — тихо сказала она, не опуская руки от пояса. — Зачем ты здесь?

— А я и не помогаю. Я ухожу из Москвы, Василиса, — глухо ответил Жюль. — Тот заказ от «Теней» на вывод людей из метро... Я сорвал его. Предупредил на станциях, что их ведут напрямик к подменьям, в ловушку Системы. Теперь за мной охотятся и заказчики, и патрули. Остаться тут, к сожалению, я больше не могу.

Жюль посмотрел на север, туда же, куда минуту назад смотрела она. — До реки где-то три километра по мертвым кварталам. Нам просто по пути.

Они растворились в ночи. Жюль шел впереди, находя путь между обрушенными перекрытиями и ржавыми скелетами машин. Ветер тоскливо завывал в пустых окнах. Иногда сверху доносилось стрекотание патрульных дронов — Жюль вскидывал кулак, и они замирали, сливаясь с бетоном, пока звук не угасал.

Они вышли к широкому, черному зеркалу реки. Пахло тиной и холодной ржавчиной. На мокром пирсе, над картой, распластанной на брезенте, уже стоял высокий сутулый силуэт. Он даже не поднял голову, пока они не ступили на доски, затем стукнул несколько раз карандашом и хрипло произнес:

— Вы задержались.

Василиса замерла. Ее взгляд метнулся от сутулой фигуры к Жюлю и обратно. Скол. Последний человек, которого она ожидала увидеть тут. Человек-картограф, всегда измеряющий вероятности выживания, стоял сейчас на промерзшем пирсе над разложенной картой. Их встреча здесь казалась заранее вычисленной и неизбежной. Внутри у нее что-то дрогнуло — не то от возмущения, не то от внезапного, пугающего облегчения, что в этом пути она может быть не одна.

— Ты нас ждал? — Василиса шагнула ближе, останавливаясь на краю брезента.

— Да, я рассчитал варианты, и это место было наиболее подходящим.

Василиса скрестила руки на груди. — В «Синхро» ты сказал, что остаешься искать ответы.

Скол глухо кашлянул и поправил воротник плаща. — Я их нашел. И они мне не понравились. Там просто мертвый архив, кладбище данных, которое Левиафан методично стирает. — Он постучал пальцем по виску. — Я думал, что найду способ остановить свою синхронизацию, вернуть себе ту память, которую у меня отнимает Система. Но там пусто — ничего. Зато я нашел зацепки: все, что касается обрывков моей памяти, стягивается на север. В Петербург. Если я останусь в Москве, я просто стану еще одной стертой цифрой. Если пойду с тобой — у меня есть шанс добраться до корня Системы и вернуть себе себя.

Жюль, до этого молча стоявший в тени, вдруг шагнул вперед, перегораживая Сколу путь к воде. — И ты вот так просто ему поверишь? — голос курьера был холодным. — Он же подменыш, Василиса.

Скол промолчал.

— Жюль... — начала Василиса, но курьер ее резко перебил. — Я видел их в тоннелях. Видел, как эта дрянь выедает человека изнутри! Левиафан делает из них кукол, часть своей чертовой сети. Они слышат его приказы как свои собственные мысли. — Жюль в упор посмотрел на Скола. — Откуда нам знать, что твое желание «вернуть себя» — это не очередная команда Системы? Что ты не приведешь нас прямо в ловушку?

Василиса перевела взгляд на картографа. В «Синхро» Скол признался ей, что Левиафан приказывал ему убить ее, но он тогда мог сопротивляться. Жюль был где-то прав: с каждым днем этот голос в голове Скола мог стать неконтролируемым. — У него была возможность убить меня. Не один раз, — твердо сказала она, хотя внутри все сжалось. — Экспериментальная сыворотка «Кровь 3.0» остановила процесс трансформации в подменюша, но и не сделала его человеком.

— На воде нам некуда будет бежать, — мрачно поправил Жюль.

Скол выдержал тяжелый взгляд курьера. — Если я начну терять контроль, — ровно произнес картограф, — я не стану мешать тебе сделать то, что нужно. Но пока я в своем уме, я помогу вам в обходе патрулей Системы.

Жюль скрипнул зубами, долго смотрел в темные глаза Скола, а затем все же отступил на полшага.

— Так, нам нужна моторная лодка..., — упрямо сказала Василиса, вглядываясь в покачивающиеся на воде тени.

Скол кивнул на смутные очертания лодок у деревянных свай. — Я уже посмотрел, там в основном дырявые посудины, — заговорил Скол своим ровным, деловитым тоном. — Вскрытые каюты, взломанные консоли. Есть парочка с целыми корпусами, но крышки топливных баков сорваны и внутри уже давно заплесневелая дождевая вода. — Посмотри вот на ту парусную яхту, — он указал на крайнюю сваю, — килевая, с мачтой. Я заметил ее еще вчера. Держится на честном слове, но парус целый. К тому же дронам сложнее определить яхту, чем отследить шум от моторного двигателя.

Жюль коротко кивнул, неохотно соглашаясь с логикой подменюша.

Скол поправил лямку. — Тридцать дней в одиночку по воде, покрытой тиной. Тебе точно нужен второй человек на парусе. И третий, чтобы смотреть за мелями. С экипажем вероятность дойти до цели выше нуля.

— Если скажешь «нет», мы развернемся и уйдем, — тихо добавил Жюль, глядя ей прямо в глаза. — Честно.

Василиса переводила взгляд с одного на другого. Беглый курьер и картограф-подменш. И ее собственная призрачная надежда добраться до Петербурга и найти там брата. Она закрыла глаза, выдыхая облачко пара. — Ладно, — голос прозвучал хрипло, но твердо. — Хорошо, — кивнул Жюль. — Принято, — эхом отозвался Скол.

Скол первым перемахнул через фальшборт. Старая яхта с облупившейся краской и потеками ржавчины глухо скрипнула, но выдержала. Картограф прошел по узкой палубе, коротко постучал костяшками по пластику, издавая сухой и глухой звук.

— Трещин вроде не видно.

Из приоткрытого люка каюты тянуло сыростью и гнилым деревом. А с соседней, наполовину затопленной моторки, доносился тяжелый, раскатистый храп. Это крепко спал хозяин лодочной стоянки.

— Главное не разбудить..., — одними губами произнес Жюль, бесшумно запрыгивая на нос.

Василиса молча достала из рюкзака банку консервов и поставила на доски пирса. Скол и Жюль не сговариваясь добавили свои.

Они тихо отдали швартовы. Василиса встала к румпелю. Пальцы вспомнили хват — память унесла ее на Клязьминское водохранилище, где отец учил ее лавировать на воде на парусе. Жюль плавно выбрал фал, поднимая серый холст. Скол потравил шкот. Яхта тяжело вздрогнула, поймав городской сквозняк, и беззвучно скользнула в темноту.

За бортом маслянисто блеснула черная гладь канала. На секунду Василиса поймала в ней свое отражение: заострившиеся скулы, темные проваленные глазницы, мокрые слипшиеся пряди волос, прилипшие ко лбу и правый глаз, блеснувший тонкой серебристой каймой.

Тишину нарушал лишь плеск воды под килем, да изредка — нарастающий визг патрульных дронов в сером небе. В такие моменты они замирали, сливаясь с грязной палубой, и не дышали, пока стрекотание не растворялось за тучами.

Они отошли уже на приличное расстояние, когда с брошенного пирса сквозь туман донесся хриплый, полный ярости крик обокраденного хозяина. Василиса вздрогнула, рука на румпеле дернулась. — Держи курс, — сквозь зубы процедил Жюль, не оборачиваясь.

Дни стерлись в одну сплошную, выматывающую вахту. Ладони Василисы покрылись мозолями от жесткого дерева румпеля. Жюль спал урывками, вздрагивая во сне при малейшем ослаблении ветра, а Скол маниакально заносил в блокнот глубины, отмели и обрушенные мосты. На широких плесах они ловили сырые шквалы. В узких протоках, заросших гнилью, они брались за обломки досок, вручную вытаскивая лодку дальше.

К пятой ночи ветер окончательно пропал, и яхта с противным хрустом села на вязкую мель в глухой заводи. Высокий камыш сплошной стеной отрезал их от остатков течения. Чтобы стянуть тяжелый киль с ила без помощи паруса, им пришлось пожертвовать вещами. Жюль молча швырнул за борт старый ящик с инструментами, найденный в каюте, а Василиса, скрепя сердце, отправила следом несколько ящиков банок пайком. Только когда облегченная лодка со скрежетом сползла на чистую воду, они смогли обессиленно выдохнуть.

Скол съежился на дне кокпита: он плотнее стянул на груди мокрый плащ и, почти уткнувшись носом в страницы, выводил в блокноте схему мели. Напротив него Жюль перевязывал перетертый фал. Его пальцы огрубели и не гнулись от холода, и каждое движение давалось курьеру с видимым трудом.

— Вода не прощает спектаклей, — голос Жюль прозвучал глухо — он все еще смотрел вслед утонувшим на дне инструментам. — На земле или под землей, еще можно одеть маску. Притвориться храбрым, или неуязвимым, или мертвым. Здесь смелость неуместна. Рано или поздно встает вопрос, что именно ты готов отпустить, чтобы не пойти ко дну самому.

Василиса сидела у борта, обхватив колени руками. Черная, стоячая вода отражала лишь тусклый свет их единственного фонаря. — Что бы ты выбросил первым? — хрипло спросила она.

Жюль резко, с силой затянул узел и стряхнул с рук слизь. — Все, без чего сможешь прожить еще хотя бы час. Тяжелое железо. Запасные консервы. Память о тех, кого оставил на берегу. Сбрасываешь балласт, пока не останешься один на один с курсом.

Шуршание грифеля прекратилось. Скол сухо хмыкнул. Картограф не поднял головы, но его голос прозвучал в тишине. — Память и так уходит первой, Жюль. Тебе даже не нужно ее сбрасывать. Сначала стираются голоса тех, кого ты помнил, а затем лица.

Курьер устало потер переносицу грязным запястьем. — Ты можешь хоть раз не звучать как похоронная сводка?

— А ты можешь перестать говорить лозунгами с дешевых рекламных баннеров? — парировал Скол, наконец подняв на него взгляд. — Только зачем держать румпель, если ты выкинешь из головы все, ради чего вообще поднял парус?

В тусклом желтом свете глаза Скола казались двумя черными, бездонными провалами. — Я бы и рад звучать иначе. Но если я перестану проговаривать, я все забуду, — он раздраженно постучал огрызком карандаша по исписанной странице. — Думаешь, я рисую здесь только мосты и мели? Каждый день эта дрянь, — он коснулся виска, — вымывает из моей головы куски памяти. Вгрызается в прошлое, заменяя его системным шумом. Если я не зафиксирую все на бумаге, во мне не останется ничего.

Василиса молча поднялась, сделала шаг по накренившейся палубе и присела рядом с картографом, заглянув в его записи. Между строгими расчетами, углами галсов и стрелками течений действительно виднелись короткие, корявые строчки: *«ветер северный, Жюль смотрел вверх головы»*, *«Василиса говорит...»*, *«до воды дойдем — потом ...»*.

— Ладно, — тихо, но очень четко произнесла Василиса, глядя прямо в темные глаза Скола.

Жюль криво ухмыльнулся в темноте и толкнул по палубе в их сторону флягу с пресной водой. Скол помедлил секунду, ответил почти незаметным, скупым кивком и, склонившись над блокнотом, аккуратно написал новую строчку.

На седьмой день они вышли на открытое пространство, и с берега ударил шквал. Яхту накренило так, что правый борт с шипением ушел под воду, черпая черную речную пену. — Трави шкот, живо! — рявкнула Василиса, наваливаясь всем весом на румпель, чтобы выровнять нос. — Держи курс!

Жюль рванул мокрый, задубевший шкот, обдирая ладони. — Тяни, иначе яхта завалится на воду! — заорал он сквозь рев ветра.

Скол молча перемахнул через кокпит и повис на наветренных вантах, откренивая лодку своим весом. Ледяная вода хлестала их по коленям. Когда ветер на секунду ослаб, яхта тяжело, с креном выровнялась, над их головами раздался сухой, резкий треск. Старый грот лопнул по центральному шву, и серая ткань безвольно заполоскалась по ветру.

— Доигрались! — выдохнул Жюль, сплевывая воду. — Давай к берегу!

Они с большим трудом дотянули до илистого откоса, где занялись починкой паруса. — Держи ровно, — процедил Скол, натягивая самодельный «костыль» из двух скрученных швартовых концов. Он подложил под лопнувший шов деревянную линейку, найденную в каюте.

Василиса сшивала холст суровой нитью зигзагом, пробивая толстую ткань. Каждый прокол иглы сопровождался коротким, жестким натяжением. — Поближе посвети, — бросила она

курьеру. Жюль держал фонарь под поллой куртки, пряча свет от неба, и заботливо подкладывал ей на колени кусок сухого брезента, чтобы она не промочила нитки речной слизи. Время от времени он подменял Скола на вантах, вытягивая полотно, пока шов не «садился» ровно.

— Заплата совсем неустойчивая, — констатировал картограф утром, когда уродливый, сшитый шрамами серый холст снова наполнился ветром. Он достал карандаш. — Зато запишу, что можно попасть в шквал в этом канале.

— У нас парус на честном слове держится, — вздохнул Жюль, проверяя натяжение. — Как половина курьерских контрактов в метро.

Починка паруса затянулась: старая ткань разъезжалась в руках, суровые нитки гнили от речной воды, а ледяной дождь методично заливал стоянку на илистом откосе.

— Никогда не любил воду, — вдруг сказал курьер, с размаху отбрасывая в кусты мокрый кусок брезента. — В Москве она хотя бы под бетоном, ее там не видно. А здесь она везде. Небо мокрое, земля мокрая, мы мокрые.

Скол дернул плечом. — Да, даже мысли скоро заржавеют.

Василиса усмехнулась, вытирая мокрые волосы со лба: — Вы оба звучите так, будто мы не парус шьем, а саван. А мне нравится. Если закрыть глаза, можно представить, что мы просто... просто приехали на дачу в плохую погоду.

Жюль посмотрел на нее, криво улыбнулся и молча вернулся к узлам.

В крошечной каюте полузатопленной яхты помещались только двое, третий оставался на берегу под навесом, кутаясь в мокрый спальник. Сон был тяжелым и беспокойным. Василисе снился Матвей, гулкие коридоры «Синхро», холодный голос Системы. Однажды ночью она проснулась от того, что Скол метался в бреду, бормоча о паттернах и мертвых зонах.

Василиса тихо выбралась из тесной каюты на свежий воздух. Ночь была густой, беззвездной. Жюль сидел у кромки воды рядом с недошитым парусом, глядя на черную, неподвижную гладь канала. Он не обернулся на ее шаги, но чуть сдвинулся на бревне, освобождая место.

Она села рядом, подтянув колени к подбородку. Холод пробирал до костей, но возвращаться в душную каюту со снами о Системе не хотелось.

— Я думала, ты спишь, — сказала она Жюлю.

— Не получается заснуть, — ответил он, не оборачиваясь.

— Почему ты пошел со мной? — тихо спросила она, поворачиваясь к Жюлю. — На самом деле.

Жюль долго смотрел на черную воду.

— Потому что я забыл, каково это, когда тебе есть кого терять, — его голос прозвучал глухо, почти беззащитно. — В метро все просто: ты платишь, я веду. Если ты умер — контракт закрыт. А потом появилась ты. С этой своей безумной, нелогичной верой в то, что брата можно вытащить из ядра Системы и остановить ее, чтобы помочь людям.

Он медленно повернул голову и посмотрел ей в глаза. — Я хочу, чтобы у тебя получилось.

Она чуть отвела лицо, чувствуя, как к горлу подкатывает комок.

— Я не просила тебя под это подписываться, — тихо сказала она.

— Эх, уже поздно, — Жюль коротко провел костяшкой по переносице.

Он протянул руку и осторожно накрыл ее заледеневшие пальцы своей теплой, шершавой ладонью. Она перевернула кисть и переплела свои пальцы с его.

Они сидели так на мокром бревне до самого рассвета, молча держась за руки, пока серое небо над каналом не начало светлеть, возвращая их в реальность.

К полудню залатанный парус снова мог ловить ветер. Яхта, поскрипывая свежими швами на гроте, медленно ползла по каналу, оставляя все дальше Москву и воспоминания о ней.

ГЛАВА 2. Северный ветер

Чем дальше на север они уходили, тем тяжелее становился воздух. На десятый день пути Василиса, стоя у румпеля, поймала себя на том, что постоянно вглядывается в серую пелену тумана. Между лопаток поселилось липкое, сосущее чувство чужого взгляда. Оно не отпускало ни на минуту, сопровождаясь странной, почти физической тягой, зовущей ее вперед.

Она зябко повела плечами и обернулась. Скол сидел на дне кокпита, побелевшими пальцами сжимая блокнот, и смотрел на нее потемневшими, напряженными глазами.

— Мне кажется, — тихо сказала Василиса, отпуская румпель на мгновение, чтобы растереть виски. — Будто кто-то смотрит на меня из тумана.

— Я тоже это чувствую, — хрипло произнес Скол, не отрывая взгляда от горизонта. — Левиафан нас ждет.

Жюль, возившийся с фалом, мрачно сплюнул в воду, но промолчал. Под этим давящим взглядом они плыли еще пять дней, почти перестав разговаривать.

На пятнадцатый день серая морось окончательно пробрала их до костей. Заметив впереди, сквозь плотные заросли камыша, тусклое пятно костра, они причалили к размытому берегу.

У огня сидел старик. Узловатыми, покрытыми шрамами пальцами он методично скручивал из обрезков кабеля и ржавой спицы подобие удочки. Услышав хлюпанье шагов по илу, он медленно поднял голову. В его выцветших глазах не было ни страха, ни удивления.

— Иди сюда, девочка, — позвал он. Голос походил на шорох сухой гальки под ногами. — Околеешь же на ветру. А эти двое пусть там постоят. Не люблю толпу у огня.

Василиса оглянулась. Жюль едва заметно кивнул и бесшумно растворился в вечерней тени, слившись с зарослями. Скол замер у кромки камыша.

Она опустилась на корточки у огня, протянув заочевшие руки к пламени. Жар ударил в лицо, заставляя заледеневшую кожу мучительно покалывать.

Старик не отрывал взгляда от костра, только коротко дернул подбородком вдоль течения — будто показывал направление.

— На север идете..., — прохрипел он. — Выше по течению вода будет чище, а здесь сплошная грязь. За железнодорожным мостом был обвал — проходите в левый пролом. Килем по дну чиркнете, но пройдете.

Василиса кивнула, глядя на танцующее пламя. Ей вдруг стало удивительно спокойно рядом с человеком, который никуда не бежал. — Мы... далеко на север идем, — осторожно сказала она. — До самого конца реки.

Старик хмыкнул и протянул ей помятую жестяную кружку. От мутного варева пахло хвоей, прелой корой и чем-то горьким. Василиса сделала глоток. Горячая жидкость обожгла небо и прокатилась по пищеводу.

— Всякое болтают про северные территории, — добавил старик уже тише, помешивая угли обломком арматуры. — Говорят, там ИИ уже не в кабелях скрыт, а в самой природе. После таких слухов в камыши по ночам ходить страшно. Люди пропадают.

— Я хочу найти человека, — тихо призналась она, глядя, как искры взлетают в серое небо. — В Петербурге. Моего брата.

— Система многих сожрала, девочка. Может его уже нет.

Старик сунул ей кусок плотного хлеба и немного сушеной рыбы, густо пахнущей солью и дымом. Затем неспешно извлек из-за пазухи грязный кусок брезента, на котором химическим карандашом была набросана карта канала. — Срисовывай путь и уходите.

Василиса достала блокнот и торопливо перенесла изгибы русла на бумагу.

Когда она закончила, старик молча забрал брезент и отвернулся к реке, как будто ожидая кого-то там.

Они вернулись на яхту. Ветер на открытой воде усилился, заставляя их отвлечься на паруса. Когда Василиса, закрепив румпель, обернулась, у костра уже никого не было. Только сизый дымок сиротливо тянулся к небу, да глубокие следы сапог на влажном песке вели в густой подлесок.

На самом берегу, у кромки воды, палкой на влажном иле было глубоко выпцарапано: *«Ищи того, кто помнит слишком много и понимает слишком мало. Он знает путь»*.

Василиса замерла, вчитываясь в неровные буквы, пока набегающая волна не начала медленно слизывать их края.

Жюль с силой оттолкнулся шестом от илистого дна. — Нам нужен ветер, а не загадки призраков, — мрачно бросил курьер.

— «Кто помнит слишком много и понимает слишком мало»? — прошептала Василиса, хватаясь за румпель и выводя яхту на фарватер. — Кто это может быть?

— Может не кто, а что, — сухо, по-бухгалтерски отозвался Скол, делая очередную пометку в блокноте.

— Типо пророк, которому Левиафан выжег мозги, — добавил Жюль, с натугой натягивая шкот.

Дни снова слились в серую рутину. Ветер, скрип мачты, короткий тревожный сон под мерный стук волн о борт. Иногда они расходились бортами с другими бродягами — тенями, кутающимися в тряпье, которые лишь обменивались с ними пристальными взглядами, не сбавляя хода.

На двадцатый день пути, проходя мимо исполинского остова рухнувшего железнодорожного моста, Василиса вздрогнула и резко подалась вперед. На ржавой балке, торчащей из черной воды, белой краской было выведено: *«Ищи того, кто помнит слишком много и понимает слишком мало...»*

Яхта скользнула под мост, и русло канала стало заметно сужаться.

Вода у берегов стала густой, покрытой странной серой коркой. Василиса нахмурилась, осторожно выкручивая румпель ближе к центру фарватера, чтобы держаться подальше от мутной жижи.

— Это не ил, — хрипло сказал Скол, проследив за ее взглядом. Он сделал пометку в блокноте. — Коагулянт. Умная пыль Системы. Она сгущает воду, блокируя узкие протоки. Наступишь или застрянешь килем — микроскопические диоды внутри пыли сработают как маяк.

Жюль, сидевший на носу, мрачно кивнул, не выпуская из рук длинного багра: — В Москве я видел, как патрульные дроны вроде «Сирина» загоняли беглецов в такую же дрянь. Тварь выныривает, висает сверху, опускает шуп-иглу... и все. Ему даже не нужно тепловое пятно, он бьет на любое резкое движение в вязкой массе.

— Коагулянт не сбрасывают просто так, — произнес картограф, глядя на слипающуюся у берегов воду.

К вечеру на горизонте поднялись высокие, рваные силуэты, похожие на зубы мертвого гиганта. Петербург.

Весь город тонул в тумане. Ближе к центру пелена становилась плотнее, проглатывая крыши и трубы заводов. В воздухе висела мертвая тишина: ни гула машин, ни шума дронов.

Вечером они встали на якорь в затишье очередного безымянного притока. Скол уснул прямо на палубе, свернувшись калачиком вокруг блокнота. Жюль дежурил на корме: курьер сидел спиной к ней и усердно чистил лезвие ножа.

Василиса достала из рюкзака плюшевого медведя по прозвищу Кефир — последнее, что осталось от ее прежней жизни. Пальцы машинально перебирали мягкий ворс. Вдруг она нащупала под защитным швом на спине что-то твердое.

Василиса аккуратно распорол нитки ножом. Внутри, среди набивки, тускло блеснула крошечная герметичная капсула. На матовом металле была выцарапана одна строчка: *«Для Василисы»*.

Она открыла капсулу. Внутри оказалась старая флешка и сложенная вчетверо бумажка.

Василиса развернула листок. На нем почерком Матвея была нарисована схема вживленного в нее импланта. А ниже, дважды подчеркнутая, шла короткая приписка: *«Модуль в режиме ожидания. Не включай сама»*.

Она машинально коснулась правого виска. Дрожащими руками вставила флешку в свой терминал. Экран коротко мигнул зеленым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.